

НОВАЯ ГАЗЕТА

«НОВАЯ ГАЗЕТА. ЖУРНАЛ» • ПОЛИТИКА

«С», «СС», «ДСП», «СИ», «ЧИ», «СИОИ», «ОХ» и другие

Почему некоторые архивы отказываются выдавать исследователям материалы, касающиеся сталинизма и другой «чувствительной информации»

Рисунок: Петр Саруханов / «Новая газета»

11:58, 12 ноября 2025,

Михаил Эдельштейн

Полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Внимание русскоязычных СМИ привлек приказ № 38 Росархива от 20 марта 2025 года. Этим приказом утвержден новый порядок «отнесения документов архивного фонда Российской Федерации к документам, содержащим служебную информацию ограниченного распространения». Проще говоря, Росархив обосновывает ситуацию, при которой некоторые хранящиеся в архивах документы, не будучи признаны секретными, тем не менее не выдаются пользователям.

Формулировки приказа настолько обтекаемо бюрократичны, что понятно, почему историкам и журналистам понадобилось полгода, чтобы заинтересоваться этим нововведением. Впрочем, московский адвокат Владимир Редекоп, изучающий историю репрессий против своих предков-меннонитов, обратил на него внимание практически сразу. И не просто обратил внимание, а начал писать обращения в различные инстанции, доказывая неконституционность нового приказа.

Ответ замначальника департамента письменных обращений граждан и организаций администрации президента РФ Иванова на одно из таких обращений оказался куда откровеннее и информативнее самого приказа.

По словам Иванова, распоряжение Росархива «было продиктовано необходимостью защиты информации, содержащейся в документах Архивного фонда Российской Федерации, от искажения исторических фактов и событий, либо их полной ложной интерпретации, либо использования в интересах недружественных государств и территорий пользователями архивными документами, среди которых могут быть, в том числе, иностранные граждане, граждане Российской Федерации, имеющие гражданство (подданство) иностранного государства (иностранных государств), лица, призванные иностранными агентами».

То есть: иностранцы и «иноагенты» стремятся опорочить нашу историю, поэтому мы запретим архивохранилища покрепче и не будем никому выдавать никакие документы, которые могут быть использованы против нас.

И много ли таких документов? Много, отвечает товарищ Иванов: «Справочно: в настоящее время на архивном хранении находятся порядка 4,5 млн открытых архивных дел, содержащих «чувствительную информацию», использование которой может нанести ущерб интересам Российской Федерации».

Справочно: орфография и пунктуация цитируемого ответа администрации президента в интересах граждан Российской Федерации приведена нами в соответствие с нормами современного русского языка. Иначе, простите, читать его очень уж трудно.

Поскольку Владимир Редекоп занимается изучением репрессий 1930-х, а шум вокруг приказа поднял ТГ-канал «Репрессии в Свердловске», многие решили, что основной жертвой новой инициативы станут документы о сталинском терроре. Но сотрудники крупного московского архива говорят, что репрессии — это, так сказать, «сопутствующий ущерб». Основной целью приказа о защите «чувствительной информации», по их словам, были всякие непарадные аспекты истории Второй мировой войны. Более того: несколько месяцев назад архивистов настоятельно попросили обращать особое внимание на посетителей, проявляющих подозрительный интерес к такого рода документам, и сигнализировать о них куда следует.

Впрочем, единой практики пока нет. Где-то ждут конкретных

указаний начальства, а пока выдают все то же, что и раньше. А где-то проявляют инициативу. В Центральном государственном архиве Москвы, например, перестали выдавать партийные дела даже по истечении 75-летнего срока, отведенного законом на защиту личных данных. Причина: запрошенные дела содержат «служебную информацию».

В общем, на пути исследователя к документу возведен еще один барьер. Раньше, столкнувшись с тем, что нужный документ засекречен, посетитель архива подавал ходатайство о снятии грифа и начинал ждать (соответствующая комиссия собирается раз в полгода). А теперь, дождавшись, он получает бумагу следующего содержания: уважаемый имярек, поздравляем, указанное вами дело рассекречено и в соответствии с приказом № 38 «будет передано на рассмотрение комиссии Федерального архивного агентства, рассматривающей вопросы отнесения документов Архивного фонда Российской Федерации к документам, содержащим служебную информацию ограниченного распространения, а также снятия указанного ограничения. По результатам решения, принятого комиссией Федерального архивного агентства, вы будете проинформированы».

Короче, все как в советском анекдоте — звонит еврей в ОВИР, а там автоответчик: «Ждите отказа, ждите отказа, ждите отказа...»

И даже если обе комиссии милостиво согласятся в конце концов перевести необходимый документ в открытый доступ, делать годичную паузу в исследовании в ожидании их решения — удовольствие так себе.

Понятно, что вопросы «почему?» и «зачем?» здесь

нерелевантны. Запретить и засекретить — основной инстинкт современной российской власти. Но у этих новаций все же есть, как мне кажется, и дополнительная причина. Назовем ее сакрализацией или фетишизацией всего связанного с архивами.

Фото: Валерий Мельников / Коммерсантъ

Такой подход сформировался в советские годы с их системой специального хранения, особого хранения и т.д. Попасть в архивы тогда можно было только по так называемому отношению — бумаге, выданной организацией, которая направляла своего сотрудника в тот или иной архив. В этой бумаге непременно указывалась тема исследования, а работники архива должны были решить, соответствует ли запрос исследователя обозначенной теме и положены ли, например, блоковеду документы, касающиеся других символистов, не столь уважаемых советской властью, как автор поэмы «Двенадцать».

Подделка таких отношений была уголовно наказуема. В 1981 году за это судили, например, историка Арсения Рогинского, будущего председателя «Мемориала»*. В своем последнем слове, получившем название «Положение историка в СССР», Рогинский сформулировал среди прочего один тезис, имеющий непосредственное отношение к происходящему сейчас. «Среди людей, далеких от исторической науки, — сказал он, — мне встречалось немало искренне убежденных в том, что в архивах хранятся обязательно или сверхсекретные, или кого-то, а может быть, что-то порочащие документы, и что поэтому в архив пускают только избранных, облеченные «особым доверием», и что так и должно быть».

Именно такие «далекие от исторической науки» люди с подобным дилетантским представлениям об архивах издают распоряжения, подобные приказу № 38. Именно они придумывают все эти формулировки: «секретная информация», «служебная информация», «чувствительная информация», «информация ограниченного распространения».

Боюсь огорчить этих славных людей, но их труды ни к чему не приведут. Можно, конечно, испортить жизнь очередному поколению исследователей. Можно помешать изучению тех или иных конкретных тем (с чем, впрочем, ответственные лица вполне успешно справлялись и в предыдущие, «вегетарианские», времена — так, из 253 томов чекистского дела о заговоре Таганцева 1921 года до сих пор рассекречены только три).

Но практически полная закрытость архивов не помешала в свое время Солженицыну написать «Архипелаг ГУЛАГ». А уж напечатанных с конца 1980-х и вплоть до наших дней источников хватит не на одну сотню «иноагентов», задавшихся целью оклеветать наше бесспорочное прошлое.

Есть такая филологическая байка:

начинающий историк литературы восторженно рассказывает старому профессору о своих походах по архивам, а тот отвечает: «По архивам? Как здорово, молодой человек! А книжки-то вы уже все прочитали?» Это тот самый случай.

Советская идеологизация гуманитарных наук и ограниченная доступность архивов сформировали особую жанровую иерархию, на вершине которой располагалась публикация архивного документа, надлежащим образом прокомментированного и вписанного в контекст. Западные коллеги часто удивляются, почему российские исследователи в заявках на гранты или письмах в издательства так упирают на то, что работа строится на архивном материале, впервые вводимом в научный оборот. Естественное же дело: раз ученый, значит, ходишь в архивы, ищешь там материал по своей теме.

Причина, конечно, в никогда не покидавшем нас ощущении, что распахнутая дверь может в любой момент вновь превратиться в щелочку, полноводная река — в пересыхающий ручеек. И могу скромно сказать, что мы были правы. Именно тома опубликованных документов и тысячи отдельных публикаций, рассеянных по журналам и сборникам, гарантируют бессмысленность нынешних запретов. И сталинский (а также досталинский и послесталинский) террор, и оборотная сторона Второй мировой, и прочие темные пятна советской истории никогда не станут белыми. Материала для того, чтобы их заполнить, более чем достаточно.

* Внесен властями РФ в реестр «иноагентов», а после ликвидирован

Этот материал вышел в тринадцатом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в [онлайн-магазине](#) наших партнеров.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Все жены изменников родины подлежат заключению»](#)

Как в сталинском СССР репрессировали целые семьи «врагов народа» и что означало клеймо «ЧСИР»

16:23, 23 октября 2025, Павел Гутионтов

[«Учинить примерную расправу»](#)

При Сталине терроризировали не только отдельных лиц — целые народы пускали под нож

17:07, 11 октября 2025, Павел Гутионтов